

Чтобы выжить...

Воспоминания боевого лётчика

А.П. Яблоков

Предлагаем читателям воспоминания Александра Павловича Яблокова, ветерана Великой Отечественной войны, воевавшего в составе 10-го гвардейского истребительного авиационного полка 1-й гвардейской истребительной авиационной дивизии Краснознамённого Балтийского флота. После войны он работал лётчиком-инструктором ДОСААФ. Заочно окончил Ульяновский политехнический институт, много лет трудился инженером в конструкторском бюро, которое проектирует авиационные приборы. Сейчас Александр Павлович на пенсии, но по-прежнему бодр, проживает в г. Ульяновске. Награждён орденом Красного Знамени, медалями.

Шёл, не зная, куда и зачем

Родился я в селе Вишенки. Ныне это Мелекесский район Ульяновской области. Отец мой – Яблоков Павел Васильевич (1894–1965), мать – Анастасия Владимировна (1896–1938).

Стоит село в заволжских степях. Предки мои переселились в Заволжье из арзамасских земель. Переселенцы обустроились на пологом берегу речушки Бирля возле зарослей дикой вишни, а село так и назвали – Вишенки. В другом обозе прибыли крепостные помещика Михаила Максимовича Куроедова. Они стали строиться рядом. Поэтому село долго носило два названия: Вишенки и Куроедова.

После смерти М.М. Куроедова село принадлежало его жене, затем её племяннику Т.С. Аксакову, отцу писателя С.Т. Аксакова, который в 1836 году владел в Вишенках 538 душами крестьян с 4 152 десятинами земли. «Селение Вишенки славилось богатством крестьян, и особенно охотою их до хороших, породистых лошадей, разведённых М.М. Куроедовым», – вспоминал Аксаков. В своих поездках в Аксаково и Чуфарово родители писателя всегда заезжали в Вишенки. Помещичьего дома здесь не было, один лишь флигель – здесь они и останавливались.

На перегороженной плотиной Бирле был пруд с островком посередине. По легенде, именно он подсказал С.Т. Аксакову образ таинственного острова из «Аленького цветочка», на котором живёт «зверь лесной, чудо морское». В окрестностях Вишенок по реке Бирля Аксаков любил охотиться на уток.

С.Т. Аксаков писал о тех местах: «Вишенки было самое скучное степное место. Пересыхающая во многих местах речка Берля, запруженная навозною плотиной, без чего летом не осталось бы и капли воды, загнившая, покрытая какой-то пеной, была очень некрасива, к тому же берега её были завалены целыми горами навоза, над которыми тянулись ряды крестьянских изб; кое-где торчали высокие коромыслы колодцев, но вода и в них была мутна и солодковата. Для питья воду доставали довольно далеко из маленького родничка. И по всему этому плоскому месту не только деревьев, даже зелёного кустика не было, на котором мог бы отдохнуть глаз, только в нижнем огороде стояли две огромные вёты. Впрочем, селение считалось очень богатым, чему лучшим доказательством служили гумна, полные копен старого хлеба, многочисленные стада коров и овец и такие же табуны отдельных лошадей.<...> Вечером, говоря

со старостой, отец мой сказал: «Всё у вас хорошо, да воды только нет. Ошибся дядя Михайла Максимыч, что не поселил деревню версты три пониже: там в Берле воды уже много, да и мельница была бы у вас в деревне». Но староста с поклоном доложил, что ошибки тут не было. «Всё вышло от нашей глупости, батюшка. Хоша я ещё был махонькой, когда нас со старины сюда переселили, а помню, что не токма у нас на деревне, да и за пять вёрст выше, в Берлинских вершинах, воды было много и по всей речке рос лес; а старики наши, да и мы за ними, лес-то весь повырубили, роднички затоптала скотинка, вода-то и пересохла».

Село Вишенки славится своей степью, которая признана достопримечательностью Ульяновской области. Здесь сохранились участки коренной ковыльной степи, кроме того, находится большая колония диких пчёл.

Рядом с дорогой, ведущей на мост через Бирлю, располагалась одноэтажная деревянная школа. На окраине села работала ветряная мельница. Неподдалёку был хутор из нескольких дворов, который появился во время реформы Столыпина, и жили там зажиточные сельчане. В 1930-е годы некоторых раскулачили, некоторых сослали, остальные разбежались.

Трудное положение сложилось в Поволжье в 1921 году. Хлеба были выжжены солнцем, дождей не было. Народ ел лебеду. Люди умирали с голоду. Умер и мой дед, Василий Афанасьевич Яблоков, или, как все его называли, Васька Карасёв (все в деревне имели прозвища, Яблоковых почему-то звали Карасёвыми).

Чтобы хоть как-то выжить, несколько молодых семей, в том числе и мои родители, отправились из Вишенки в Алтайский край, где, по слухам, был неплохой урожай. Назад они вернулись уже в 1922 году. Мать моя была тогда беременна мной. В Вишенках в ночь на Рождество 7 января 1923 года я появился на свет.

Первые мои воспоминания относятся к трёхлетнему возрасту. Приключившуюся со мной историю я знаю большей частью по рассказам родных. А случилось вот что. Мать подоила корову, процедила молоко, заполнила им горшки, которые надо было отнести в погреб, и попросила меня помочь ей. Я с радостью схватил обеими руками горшок с молоком и пошёл следом за мамочкой во двор. Когда я проходил мимо коровы, её, видимо, сильно укусил слепень, и она так стремительно повернула свою голову к хвосту, что рог её вонзился мне в висок. Корова подняла голову, и я на рогу взлетел в воздух. Горшок с молоком я, естественно, бросил, закричал. Мать увидела, подбежала к корове и с большим трудом сняла меня с рога. В суматохе она и не поняла, что произошло. Прижав меня к груди, она пыталась меня успокоить, не замечая, что у меня из головы льётся кровь. Я же кричал во весь оставшийся дух. В это время сосед Сёмка-кривой заглянул через забор в наш двор. Увидел у меня кровь и закричал на мать, приправляя свою речь традиционными русскими выражениями. Мать же, заметив наконец кровавую лужу подо мной, свалилась в обмороке, а я покотился на землю. Сосед выломал доску в заборе, перелез в наш двор, поднял меня, растормошил мать, а сам на коне поскакал разыскивать моего отца. Привезли фельдшера. Он наложил повязку. Отец решил везти меня в больницу в Мелекесс. У дальних родственников взял хорошую лошадь: надо было проехать 40 километров и как можно быстрее — я мог и дух испустить из-за большой потери крови.

Повезли в больницу... Подлатали. Когда я немного окреп, отец сделал на телеге что-то вроде шалаша, уложил

меня туда и повёз домой. Дома встречала мать. По её словам, она очень переживала, гадала: привезут ли меня живым или в гробике.

Обошлось. Остался жив.

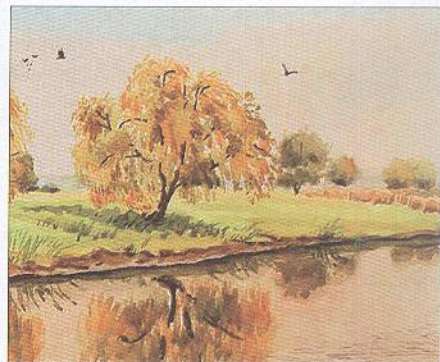
Другой памятный случай произошёл на следующее лето, когда мне было четыре года. Отец поехал в совхоз «Правда» и взял меня с собой. Вишенки находятся примерно на полпути между знаменитыми в советское время орденоносными совхозами имени Н.К. Крупской и «Правда».

Недалеко от конторы совхоза отец привязал лошадь к изгороди и ушёл по своим делам. Я сидел в телеге. Всё было спокойно, но тут на счастье появилась автомашина. Автомашин тогда были редкостью, и лошадь перепугалась, начала метаться и так дёрнула телегу, что меня бросило в другой её конец. А там лежала коса. На неё я и налетел. Носок косы впился в мою ногу повыше щиколотки и вывернул клин мяса. И снова — кровяца и мой плач. Пришёл отец, повёз в медпункт, а затем — домой, к фельдшеру. Тот нашёл иглу, зажёл спиртовку, прокалил на ней иголку. Отец крепко зажал меня под мышкой (вместо наркоза), а фельдшер стал зашивать рану. Было очень больно, и я голосил.

На следующее лето, когда мне было пять лет, родители уже считали меня большим и оставляли присматривать за младшими братьями: Николаю исполнилось два года, Валентину — год.

Как-то раз родители ушли на мольбу, а меня оставили за нянюку. И вот вожусь я в домике с младшим братишкой, а в это время во дворе раздаётся плач Николая: он топором почти отрубил себе полпалец на левой ноге. Я, как мог, приладил палец на место, перевязал его, успокоил брата, уговорил мальчишек остаться дома одних, а сам бегом бросился искать родителей. Нашёл. Пришли домой. Отец привёз фельдшера. Тот осмотрел рану и похвалил меня: сказал, что я уже опытный, умею делать перевязки и с пальцем поступил правильно.

Но не всегда я был таким примерным. Детство есть детство. Однажды, когда я опять нянчился с братьями, зашли два моих приятеля и уговорили пойти купаться на речку. Я оставил братишек одних и убежал с друзьями на речку. Причём — в валенках. Мне тогда купили новые валенки — первая вещь в моей жизни. Захотелось похвастаться, я в них и пошёл. А мальчишки, когда мы купались, валенки спрятали. Пришлось поволноваться, пока их нашёл.

О. Шлыгин. Бирля. Фрагмент рисунка

Даже плакал. К вечеру меня нашёл на речке отец. Он выломал ивовый прут и так меня им отходил по попе, что я до сих пор эту боль чувствую...

Мои детские злоключения на этом не закончились. В один солнечный день кто-то из взрослых ехал на подводе с бочкой на речку за водой. Я забрался на эту бочку, а когда подъехали к песчаному береговому откосу, телега с уступа соскочила на песок, а я слетел с неё и попал головой под заднее колесо. Голова была вдавлена в песок. И снова я остался жив. Повезло.

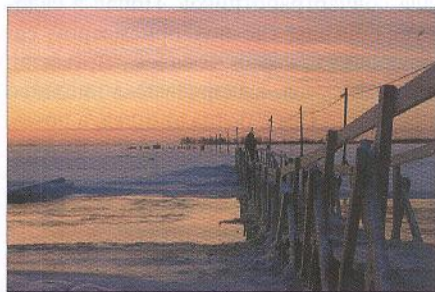
Мать очень рано начала зимними вечерами меня учить читать, писать, считать. В шесть лет я уже довольно сносно мог всё это делать. Однажды к нам зашла по какому-то делу учительница из школы. Когда она узнала о моих способностях, то договорилась с матерью, чтобы она меня назавтра отправила в школу.

Это было в конце 1920-х годов. Страна военную разруху уже почти ликвидировала. Искали пути дальнейшего развития, решено было развивать лесобрабатывающую промышленность. Стали вербовать людей на Север. Пришла разнарядка и в наш сельсовет, но добровольцев не оказалось. Отец был в то время кандидатом в члены партии, и его как кандидата отправили в Архангельск, где он попал на остров Кего, который расположен в устье Северной Двины. Отец сначала уехал туда один, потом вернулся за семьёй и забрал нас — жену и троих сыновей — на остров Кего. Я тогда учился в первом классе.

Остров этот небольшой. Два лесопильных заводика, лесобиржа и небольшая сельхозартель. Весной остров затоплялся водой, поэтому дома там строились на сваях (на «куриных ножках»). Был там небольшой лесок, в котором росла черёмуха. На одной из песчаных кос разместился аэродром для гидросамолётов. Там я впервые в жизни увидел самолёты.

На острове нас кормили в столовой по талонам. Здесь я впервые попробовал клюквенный кисель. Сначала я им брезговал и оставлял в стакане нетронутым. Со временем понял, что он вкусный, но уже началось лето, клюква закончилась, не стало и киселя. Зато поспела черёмуха. Однажды пошли мы, несколько мальчишек, в лес за черёмухой. Год был урожайным. Я залез на дерево, собирал ягоды, а они ведь чем выше – тем крупнее, и я лез всё выше. Когда же потянулся за понравившейся кисточкой, то сучья – на одном я стоял, а за другой держался – обломилась, и я совершил свой первый полёт. Дерево было высокое. Я летел вниз спиной. На пути попался толстый сук. Я грохнулся спиной на него. На моё счастье, не поперёк, а вдоль ствола. Затем свалился на землю. Порвал штанишки, ободрал живот и ноги...

Остров Кего

Отец на Севере стал болеть. Лечение не помогало. Он ночами не спал, ходил по комнате взад-вперёд. Врачи посоветовали изменить климат. С большим трудом отец добился разрешения покинуть остров Кего, и мы вернулись в Ульяновск. На дворе уже был 1932 год.

В Поволжье вновь случился неурожай, времена были тяжёлые, голодные... Хлеб продавали по карточкам, в магазинах были огромные очереди. Люди занимали очередь с вечера или ночью, так как хлеба на всех не хватало.

Я в это время учился в Ульяновске в школе имени Кашкадамовой, которая была на том месте, где выстроено новое здание гимназии № 1. Там я окончил второй класс, а следующий год учился уже в 11-й школе под горой. Отец был уже членом партии. Ну а партия проводила коллективизацию, добивалась любыми способами поддержки сельского населения. Село дважды укрепляли партийными кадрами – это были тридцати- и двадцатипяти тысячные отправки членов партии на село. И в обе эти кампании попал мой отец. Так мы побывали в посёлке Начало, деревнях

Русская Беденьга, Нижняя Часовня, Баратаевка, Тетюшское, Канава.

Рос я довольно шустрым. Любил кататься на коньках, на лыжах с гор. Особенно запомнился один полёт с обрыва. Под ним протекал ручей, занесённый снегом, а на противоположной стороне ручья сельчане выбирали глину для кирпичной кладки, и образовалась довольно большая пещера. Вход в эту пещеру был занесён снегом. Вот с этого обрыва я рискнул на лыжах скатиться вниз. До ручья долетел, а дальше лыжи, пробив снег, воткнулись в песчаное дно ручья, я же вылетел на другой берег, пробил головой снежный завес входа и оказался в пещере. Отделался ушибами, но без переломов и ранений.

1933–1934-е годы были неурожайные. Нищета. В Русской Беденьге многие тогда болели куриной слепотой. Где-то вскоре после нашего приезда осенью отец забил корову. Люди, услышав это, стали приходить к нам за печенью (она считалась лучшим лекарством от куриной слепоты). Мать первой просящей отдала полпечёнки. Вскоре пришли сразу несколько женщин. Они отругали мать за её щедрый дар и поделили остаток между собой. Вот так жила деревня.

Из Русской Беденьги мы переехали в Ульяновск. Я пошёл учиться в 4-й класс начальной школы № 9, но вскоре отца вновь отправили в деревню – на этот раз в Нижнюю Часовню, которая располагалась в Заволжье между Волгой и впадавшей в неё речушкой Ботьмой. Вдоль берега проходила протока Волги – Воложка, отгороженная от реки островом Серёдыш. Мы, ребята, купались в Воложке. Воды я не боялся, даже на Серёдыш раза два или три плавал. Особенно любил нырять, стараясь как можно большее расстояние преодолеть под водой.

Ботьма мне запомнилась очень чистой, прозрачной водой, даже дно речушки просматривалось – все камешки, моллюски... Я такой прозрачности нигде не видел, разве что на Байкале, где побывал впоследствии. Очень интересно было кататься по этой речке на лодке. У меня дух захватывало от раздолья, которое видел вокруг!

Перед впадением Ботьмы в Волгу была плотина, сделанная из камней. Ниже плотины в камнях мы ловили раков, которые клешнями оставляли заметные следы на наших руках. Над плотиной был деревянный мосточек, пропущавший через себя лошадиные повозки в заливные луга, богатые диким луком, щавелем и, главное, травами.

Нижняя Часовня была окружена садами. В садах было три озера, которые при большом разливе Волги весной объединялись с нею. В озёрах после спада воды оставалась и волжская рыба, так что рыбу можно было ловить и на удочку, и на «клеточный крючок» (бреньдь).

Народ в Часовне был зажиточней, чем в других сёлах. Река снабжала их рыбой, лес – строительными материалами, заливные луга – сеном, а острова – ягодами. На островах собирали много ежевики, которую в корзинах доставляли лодками в город на базар. Собирали большие урожаи фруктов и овощей. Яблоки, груши, вишня, огурцы, помидоры, всевозможная зелень – всё переправлялось в город на пароме, пристань которого весной находилась в Нижней Часовне, а летом – недалеко от села Канава и моста через Волгу.

Мы жили в каменном доме на берегу, окна выходили прямо на Волгу, а кухонное окно – во двор рыболовецкой артели, имевшей парходик «Атаман», на котором уловы доставлялись в большой подвал в этом же дворе, заполненный льдом. У рыбаков имелись и засолочный пункт, и копилка. Естественно, мы без рыбы не жили. Мать любила печь пироги с сомятиной, а уху варила со стерлядью.

Живя рядом с Волгой, часто встречали волжских грузчиков. Это был своеобразный народ. Их отличала крепость телосложения, сила и выносливость. Казалось, им под силу то, что для обычных людей невозможно. Запомнился такой случай. Однажды мать послала меня съездить в Ульяновск к родственникам. В город можно было добраться только на пароме. Когда я пришёл на пристань, паром уже отошёл, нужно было ждать следующий. Дело было под осень, день выдался прохладный и ветреный, поэтому я зашёл в каюту дебаркадера. Там за столом расположился грузчик. Он выкладывал из камышовой кошёлки на стол съестные припасы: хлеб, душистую колбасу и пол-литровую бутылку водки, запечатанную, как тогда было принято, сургучом. Я сел за другой стол у окна. Тут в каюту зашёл другой грузчик. Они разговорились, а потом заспорили. Первый грузчик обещал выпить бутылку водки из горлышка всего за три глотка. Второй не верил, что это возможно. В конце концов они поспорили на четверть водки (это 2,5 литра).

Первый грузчик поставил бутылку на ладонь, а другой рукой придавил её

и повернул. Сургуч под его рукой рассыпался. Тогда он перехватил бутылку и сильно стукнул её дном о ладонь левой руки. Пробка вылетела в потолок, а грузчик, задрвав голову, вылил содержимое всей бутылки в глотку и при этом действительно сделал не более трех глотков.

Проспоривший грузчик направился в стоявший на пригорке ларёк и вернулся с четвертью водки. Вдвоём они не спеша приступили к трапезе. Постепенно и эта водка подошла к концу — оставалась только треть содержимого. Тут к ним присоединился третий грузчик. Когда они втроём опустошили бутылку, вернулся паром. Грузчики встали и чинно отправились на паром. Следом двинулся и я, поражённый их спокойной походкой, как будто они ничего и не пили. А ещё больше я поразился тому, что в разговоре они не проронили ни одного бранного слова.

Впоследствии, когда я работал в доме отдыха совпартработников, познакомился с одним бывшим грузчиком. По состоянию здоровья ему пришлось оставить тяжёлую работу и устроиться сторожем. Я частенько заходил к нему в садовый шалаш послушать его рассказы. Вот один из них. Один из крепких мужиков предложил на его колодку положить два мешка по 60 килограммов каждый, а сверху ещё сесть человеку. И этот груз он не только поднял, но сумел с баржи перенести по довольно крутому склону на склад.

Седьмой класс я окончил в Тетюшском, куда в очередной раз перевели отца. Мы с приятелем Колей Козловым попытались поступить в механический техникум, но вступительные экзамены провалили и вернулись в Тетюшское, где тогда открывалась средняя школа, то есть восьмой класс. Мы оба продолжили учёбу в этой школе. Это уже был 1937 год.

Летом мы с товарищем Костей Беляевым работали в отделении совхоза, охраняли бахчи. И в последующие годы летом я тоже всегда работал в садах на волжских склонах, принадлежавших дому отдыха для совпартактива Ульяновского района. Я занимался там косой, прополкой, а затем меня перевели в охрану. Последний рабочий сезон (летом 1940 года) я там был помощником бригадира охраны.

В конце зимы 1937–1938 годов родители во время отпуска решили навестить своих родственников. За время их поездки у нас, детей, накопилось много грязного белья. После приезда мать занялась стиркой, а так как жили

мы рядом с водяной мельницей на реке Сельдь, то полоскала бельё в деревянном лотке, пропускавшем воду на крыльчатку водяной мельницы. Был март. Вода холодная, мать простудилась, заболела. Отец отвёз её в ульяновскую больницу, но было поздно: 13 марта она умерла. 15 марта похоронили мы нашу маму...

Подготовка к восьмому классу. Саша Яблоков справа, с баяном — Костя Беляев. Баратаевка. 1938

Примерно через сорок дней отец привёз из Ульяновска в Тетюшское для знакомства новую женщину — Нину Фёдоровну. В тот же день он отправил её обратно в город. Я же ушёл из дома вдоль речки Сельдь и там, сидя на траве, плакал... Появился отец, которому, видимо, кто-то указал, куда я ушёл, и постарался успокоить меня.

Нина Фёдоровна спустя некоторое время приехала к нам жить. Поначалу она была ко мне внимательна, а к Николаю и Валентину относилась прохладно. Потом начала уговаривать отца поменять место жительства на Ульяновск. Отец с ней согласился и добился, чтобы его отпустили с работы. К началу учебного года всё семейство переехало в Ульяновск, а меня оставили в деревне на квартире у алкаша Петра Павловича Кочеткова. За квартиру отец платил 10 рублей в месяц. Началась моя учёба в восьмом классе и полуголдное существование. Питался я в основном чёрным кислым хлебом, от которого страдал изжогой. Была ещё в меню картошка. Разок пришлось «сбежать» в Ульяновск, где поселились родители с детьми (без меня их было четверо). В квартире застал только братьев, Николая и Валентина, которые, оказывается, жили не лучше меня. Они рассказали, что мачеха организовала раздельное питание: Николай и Валентин кормились в прихожей. Им на весь день выдавалось по два небольших кусочка хлеба.

Хлеб и другие продукты запирались в сундуке. Ключ от замка хранился у мачехи или её дочери Клавдии. Она и её брат Юрий питались в зале и, конечно, без ограничений.

Одежда на братьях была поношенная, имела неприглядный вид. Братья меня радостно встретили, но жаловались на голод. Я после 25-километровой прогулки тоже проголодался и, недолго думая, сломал замок на сундуке. Мы поели хлебushка.

Вечером пришёл отец. Мачехи и её детей дома не было. Он организовал кое-какой ужин, постелил мне в зале на полу, и я, усталый, тут же заснул. Утром я ушёл обратно в Тетюшское.

Летом 1939 года я окончил восьмой класс. Необходимо было решать, как дальше существовать на белом свете... В родительском доме благодаря мачехе я стал чужим.

Я устроился на работу в дом отдыха для совпартработников. Попал в садовую бригаду, где под присмотром садовника ухаживал за садом: мотыжил, обрезал сучья, выкорчёвывал лишнюю поросль... Там я познакомился, а потом и подружился с подобными мне бедолагами: Германом Корюкиным (будущим Героем Советского Союза) и Николаем Зумориным, Зумой.

В родительском доме я не появлялся. Практически стал бродягой. Приближалась осень. С Германом и Зумой легче было находить ночлег и пропитание. И втроём веселее, надёжнее. Ночевали на чердаках, в шалашах, в стогах сена — где придётся.

Я хотел учиться дальше, но мне нужно было найти такое учебное заведение, где бы давали общежитие. И вот нашёл! Открывался техникум для сельскохозяйственного строительства. Он располагался в старом здании школы № 1, где тогда ещё продолжал работать рабфак имени Ленина.

Вступительный экзамен я сдал, меня приняли и даже предоставили общежитие на улице Советской, через дорогу от нынешнего драмтеатра. Я был счастлив: зимой буду жить в тепле на казённой квартире, на казённых постельных принадлежностях (чего я давно уже не имел) и, главное, буду учиться! Увы... Радость моя была преждевременной: 20 сентября техникум закрыли, а здания общежития передали военным.

Холодало. Я бродяжничал. На мне было изрядно потрёпанное осеннее пальтишко, хлопчатобумажные штанишки и пара ботинок, из которых пальцы вылезали наружу. Но мы всё-таки были втроём. В карманах гроши.

Александр Яблоков (третий слева) с отцом и младшими братьями: в центре Валентин, справа – Николай. 1940

Выпуск Куйбышевской областной школы пионервожатых и физруков. Ульяновск. 1941

Чёрный хлеб стоил тогда 75 копеек за килограмм, но и этих копеек ведь не было... Мы голодали.

В те осенние холода все мы простудились. Кашель и насморк стали нашими постоянными спутниками. Однажды ночью по железной крыше мы забрались на чердак дома, в котором жила семья Кориюкиных. Устроились в уголке чердака на ночлег. На рассвете я услышал шаги и слова: «Герман Петрович, Герман Петрович...». И свет фонарика... Это был отец Германа. Он забрал сына домой.

Остались мы вдвоём без денег, без харчей... Днём Герка, надёжный друг, нас разыскал, привёл в квартиру, наболтал муки, нажарил блинов, подкормил нас. Нашёл отцовские облигации, в сберкассе мы одну сторублёвую сдали. Дали нам за неё 33 рубля, с которыми мы пошли в студенческую столовую. Наелись горячего, и у нас ещё несколько рублей осталось.

Скоро я лишился и второго своего товарища. Отец Зумы работал конюхом в доме отдыха. Рядом с конюшней были стога сена. Под стогами оставили отверстия для проветривания, чтобы сено не гнило. Вот в одном из стогов мы с Зумой устроили лежанки и ночевали, не замерзая. Однажды конюх, проходя мимо стогов, услышал наш кашель и, конечно, догадался, кто там прячется. Он забрал Николая домой.

Остался я один. Стало совсем плохо. Холодно, голодно, здоровьишко никудышное, из ботинок торчат грязные пальцы, мёрзнут. Настроение самое

безнадёжное. И никаких перспектив. В таком паническом состоянии я шёл по улице Гончарова, не зная, куда и зачем. И вдруг навстречу мне идёт дядя Василий Васильевич, который жил в Мелекесе. Он приехал в Ульяновск принимать имущество закрывающейся сельскохозяйственной школы, которая располагалась на улице Кирова в теперешнем здании тубдиспансера. А когда я его встретил, он шёл к своему брату и моему отцу Павлу Васильевичу. Поговорив со мной, он изменил своё решение и к отцу не пошёл. Вместе мы уехали в Мелекес, где он устроил меня учиться в ветеринарный техникум, в котором работал бухгалтером, со стипендией 45 рублей. Я оказался на хлебником у небогатых, многодетных родственников. Стал искать, как изменить такое положение. В Мелекесе была Куйбышевская областная школа культпросветработников (со стипендией от 160 до 220 рублей, в зависимости от успеваемости). Я услышал, что там объявлен дополнительный набор студентов на первый курс, и немедленно отправился в эту школу. Меня приняли и поселили в общежитие. Жить стало легче: в коллективе, в тепле.

На следующий учебный год в октябре 1940 года правительство ввело плату за учёбу в средних и высших учебных заведениях, а стипендию стали платить только тем, кто не имел оценок ниже четвёрки. У меня же была тройка по немецкому языку. Многие тогда побросали учёбу, и я в том числе. Мне дали направление на работу

в Ульяновское районо на должность инспектора политпросветработы. Надо было руководить домами культуры, клубами, библиотеками... Работали на таких должностях люди старше меня и опытнее, а мне ведь было 17 лет. Я сразу столкнулся с рядом трудностей. Просился на другую работу, но подходящей не нашлось. Тогда секретарь райкома комсомола предложил мне пойти на учёбу в Куйбышевскую школу пионервожатых и физруков. Я согласился. Меня приняли.

Весной 1941 года учёба заканчивалась. Отец с братьями к тому времени жили уже в Мелекесе вместе с третьей женой отца. Я написал братьям, они мне посоветовали устраиваться в Мелекесе и, кроме того, написали, что обстановка у них очень хорошая. Просьбу мою удовлетворили, и я прибыл в Мелекес. Но оказалось, что буквально за день до моего приезда отец порвал все отношения с третьей женой и переехал жить в учебное хозяйство ветеринарного техникума, которое размещалось в лесном массиве под Мелекесом. Место красивое, там имелся небольшой скотный двор, за ручьём – пасека. Хорошо там было, но тут подкралась война.

О начале войны я узнал не сразу. Радио и телефона в этом хозяйстве не было. Утром 22 июня 1941 года я отправился в лес. На обратном пути меня встретили соседи и рассказали: началась война!

(Окончание в следующем номере.)